

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет»

Политический контроль в тоталитарном государстве: идейно-методологические координаты и административно- институциональные практики

Настоящая работа посвящена некоторым теоретическим и историко-политологическим аспектам, проблемам становления, эволюции системы политического контроля. Автор предпринял попытку вновь коснуться непростых вопросов, связанных с его происхождением / истоками, сущностью, методами и институциональные формами, а также способами реализации контрольно-репрессивных практик в сравнительной ретроспективе. Делается вывод о том, что политический контроль в период сталинской диктатуры (конец 1920 – начало 1950-х гг.) на базовых административных уровнях – государственная безопасность, цензура, партийный и внутривластный мониторинг – выступал наследником дореволюционных следственно-надзорных практик и технологий управления, а также обладал организационно-методологической общностью с аналогичными структурами других тоталитарных режимов.

Ключевые слова: политический контроль, государственная безопасность, сталинская диктатура, тоталитаризм, технологии власти, цензура, идеологическая сегрегация, репрессии.

Систему советского политического контроля по праву можно считать наследницей дореволюционного периода отечественной истории, ибо эффективность технологий власти и опыт их применения, приобретших прочное идеологическое обоснование и организационные формы уже в имперский период российской государственности, были в полной мере оценены и заимствованы большевиками, приступившими после октября 1917 г. к строительству советской, коммунистической государственности. Исходя из единых, общих системных характеристик механизма государственного управления в настоящее время в отечественной историографии прочно утвердилось следующее определение политического контроля, которое поддержали многие исследователи, касавшиеся смежных тематических областей. Это определение принадлежит петербургскому историку В.С. Измозу. По его мнению, под **политическим контролем** следует понимать систему регулярного сбора и анализа информации различными звеньями

государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций [10, с. 10].

Заметным шагом на пути разработки теории политического контроля является диссертационное исследование Н.А. Володиной, которая, в целом солидаризируясь с данным В.С. Измозом определением, обогатила его концептуальную сторону в виде расширения рассматриваемой проблематики, включив в нее важный аспект: способы формирования общественного мнения, воздействия на массовое сознание. Соответственно, предложенное ей определение и в полной мере разделяемое нами, звучит следующим образом: **политический контроль** – это имманентно присущее любому, но в особенности тоталитарному государству качество, представляющее собой комплекс мероприятий власти, направленных не только на контроль поведения индивида, всех социальных групп, но и на формирова-

ние мировоззрения и поведения основной массы населения на основе задаваемых идеологических канонов и практических потребностей режима [3, с. 26].

В полном объеме, все озвученные признаки были реализованы в период существования СССР, когда политический контроль был возведен в ранг верховного регулятива, призванного стать проводником государства «диктатуры пролетариата».

Коммунистическая государственность существенно расширила возможности политического контроля за счет многообразия его методов, которые во всей совокупности давали невероятный результат. На наш взгляд, следует различать 6 методов политического контроля, которые мы выделяем, используя существующий историографический задел: 1) Политизация и мифологизация общественной жизни 2) социальная мобилизация 3) публичность общественной жизни 4) репрессивные атаки и массовые репрессии 5) Формирование особой, советской языковой и культурной идентичности, языка – идейно-политического дискурса. 6) социально-политическая фильтрация.

Политизация и мифологизация общественной жизни, быта, окружающей среды была ведущим методом контроля над массовым сознанием, с помощью которого происходило формирование героико-патриотических образов, играющих важную роль в легализации правящего режима на знаково-символическом уровне. Одним из главных проявлений этого метода было увещивание, в том числе и прижизненное, памяти революционных, партийных деятелей на топонимическом уровне, что выразилось в переименованиях множества городов, улиц в честь «борцов революции». Это также рассматривалось как еще одна победа над прошлым, «старым строем» и животворящее обновление для города, получившего новое имя и теряющего прежнюю «реакционную», «буржуазную» идентичность.

Так, хрестоматийными примерами, перекочевывающими из одного научного труда в другой, считаются следующие. Как известно, Симбирск переименовали в Ульяновск, в честь В. Куйбышева Самара стала Куйбышевым, Царицын-на-Волге стал Сталинградом, Юзовка в Донбассе – Сталино,

Тверь переименована в Калинин, Вятка – в Киров. Это был способ генерирования коллективной памяти, который до сих пор используется для поддержания апологетики атмосферы 1930 – 1950-х гг., стимулирует сохранение ностальгии по сильной сталинской руке, что приводит, фактически, к откровенному оправданию репрессий как якобы необходимых для «модернизации» страны. «Совмещение сегодняшней городской топонимики, унаследованной от советской эпохи, и памяти о жертвах, отесненной на окраины, – вот наглядный пример состояния исторической памяти о сталинизме в России» [14, с. 25], – констатирует один из видных деятелей общества «Мемориал» А. Рогинский.

Другой способом историцистического обоснования легитимности правящего режима выступала решительная мифологизация общественной жизни. Помимо универсально-базового мифотворчества в виде общей идеализации советского образа жизни, стиля, мышления, предполагающего унаследование «революционного этоса», под которым в официальной пропаганде подразумевалась способность к беспощадному разоблачению «врагов народа» и лиц им потворствующих, «большевистская бдительность», «классовое чутье», готовность к самоотверженному служению партии на любом участке «социалистического строительства», использовались и иные мифологемы.

К числу наиболее распространенных и действенных, особенно эффективно впитывавшихся массами, можно отнести мифологемы *хтоническо-гинекократического плана*, а именно – превознесение матери-земли, родины, народа, неразрывная связь с которыми якобы выступала источником подлинно органичного бытия.

Гендерный конструктивизм [См: 4] стал не просто важным направлением политизации и мифологизации общественной жизни, а прочно укоренился на уровне системно-сущностных основ и параметров режима левого типа. Как верно отмечает Е. Головин, по И.Я. Бахофену матриархат – понятие скорее юридическое, связанное с «материнским правом», а именно: «Гинекократическое бытие – это упорядоченный натурализм, превалирование вещественного,

преимущественность физического развития» [5]. Это, выражалось в упомянутой фетишизации отношений, связанных с «кровью и землей», что отнюдь не считалось противоречащим «пролетарскому интернационализму».

На февральско-мартовском пленуме 1937 г. Сталин сказал следующее: «У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой, который считался непобедимым, – Антей. Он был, как повествует мифология, сыном Посейдона, бога морей, и Геи – богини Земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила и вскормила. Не было такого героя, которого он бы не положил на обе лопатки, этот Антей, по повествованию мифологии. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая его родила и вскормила, и получал новые силы. Герой, который каждый раз, прикасаясь к земле, получал новые силы, он стал непобедим, но его все же победили, победил его Геракл. Как? Он его оторвал от земли, подняв в воздух, и задушил в воздухе, оторвал от его матери, породившей и вскормившей его. Я думаю, что наши большевистские руководители похожи на Антея, должны быть похожи на Антея. Большевистские руководители – это Антеи, их сила состоит в том, что они не хотят разрывать связи, ослаблять *связи со своей матерью*, которая их родила и вскормила, – с массами, с народом, с рабочим классом, с крестьянством, с маленькими людьми. Все они – большевики – сыны народа, и они будут непобедимы только в том случае, если они не дадут никому оторвать себя от *земли* и потерять тем самым возможность, *прикасаясь к земле*, к своей матери – к массам, получать новые силы» [16]

Таким образом, мы видим, что подтверждаются слова современника этих процессов, итальянского аристократа, философа-традиционалиста, эзотерика барона Ю. Эволи, который писал по этому поводу в 1932 году: «... В общественных формах последнего времени коллективное обретает все большую власть, и скоро оно уже сможет вернуть к жизни тотемизм первобытных обществ. *Нация, раса, партия, общество* и че-

ловечество поднимаются сегодня до статуса мистических личностей, требующих безусловной преданности и подчинения от составляющих их индивидов... Эта *тирания группы* не ограничивается проявлениями политического и социального в жизни индивида: она берет на себя моральное и духовное право; культура и дух должны стать формами активности и путями прогресса человечества, зависимыми органами мирового коллектива...». И далее: «Здесь факт бытия «национальной» дарует власти видимый ореол мистической неприкосновенности, гарантированное и безусловное уважение. Этот доинтеллектуальный этнический элемент не только не признает никакой власти высших принципов, но и ставит их себе на службу: на первом месте стоит «нация» – и только потом, в подчиненном виде, идут реальность, истина и культура...» [20, с. 138-139; 141-142.]

Социальная мобилизация как метод политического контроля служит эмпирическим выражением *прогрессизма* как историко-философской основы коммунистической государственности [См. подр.: 21, с. 58-83; 35].

Под *социальной мобилизацией* мы понимаем подчиненность отдельных индивидов, общественных групп интересам и целям режима, что выражается в конкретной деятельности из «политической целесообразности», вопреки личностным приоритетам. В сталинской модели управления социальная модернизация была универсальным инструментом контроля, позволяющим манипулировать и направлять общественную активность в нужное русло, чтобы добиться максимальной концентрации ресурсов. Социальная мобилизация, как считает С. Красильников, – это «деформированный, искаженный и фальсифицированный вариант модели общественного договора западного типа в его советско-сталинском варианте» [11, с. 150]. Примерами социальной мобилизации могут быть займы на индустриализацию, идеологические кампании – процессы над «врагами народа», движение за ликвидацию неграмотности, а также мероприятия массово-культурного плана – праздники, митинги и т.д. Очень часто все эти средства манипуляции протекали параллельно, в уни-

сон, составляя ту самую хронотопическую реальность [1], предполагавшую сосуществование глубоких антиномий – «карнавального шествия» грандиозных строек коммунистического «светлого будущего» и одновременного жестокого уничтожения его создателей, перемолотых «жертвами революции», устроителями которой они были [12; 18]

Публичность общественной жизни была не менее важным методом политического контроля. О советских общественных организациях – пионерско-комсомольских структурах, профсоюзах, ОСОАВИАХИМе и других написано немало, но лишь после 1991 г. стали появляться действительно объективные исследования, освобожденные от инфантильно-сентиментальных оценочных суждений, основанных на романтико-ностальгической идеализации общественной активности и разновидностей «добровольного содействия» хозяйственно-политическим кампаниям.

На партийных собраниях, «активах», в рамках специализированных контрольно-проверочных мероприятий, «идейно-политических аттестаций» [23, с. 112], таких как кампания по проверке и обмену партийных документов, инициированная сталинским руководством в середине 1930-х гг., борьба с «безродным космополитизмом» в 1940-е гг. [30; 33], осуществлялась регулярная «проработка» членов и кандидатов ВКП(б)-КПСС, от которых требовались «критика и самокритика», ставшие своеобразными ритуалами внутрипартийной жизни, безукоризненное соблюдение которых давало шансы на некоторую временную стабильность, при условии, что удавалось отводить от себя претензии в «пассивности», в «утрате классового чутья», «политической близорукости», «самоуспокоенности», «аполитичности» и т.д. В самих приведенных формулировках как раз и отражалась агрессивная природа *тоталитаризма левого типа*: вся повседневность была в буквальном смысле пропитана политикой, самые банальные, рутинные, бытовые поведенческие схемы, направленные на элементарное жизнеобеспечение, могли трактоваться как проявление девиации, отклонения от «норм», отражающих идейно-политические доми-

нанты, приоритеты, установленные «генеральной линией партии».

Все это крайне негативно влияло на здоровье людей, находящихся в состоянии перманентного стресса, патологической настороженности, неуверенности в завтрашнем дне, несмотря на внешнюю пафосно-патетическую стабильность будней «социалистического строительства». У наиболее психофизиологически крепких, устойчивых людей за годы двуличного существования, экзистенциального страха, возникавшего на почве конфронтации личных интересов и партийно-общественных приоритетов, вырабатывались индивидуальные защитные механизмы в виде лишь внешнего следования «воле большинства». Но подобными адаптационными возможностями, *социальным иммунитетом* обладали далеко не все.

Многие, не умея скрывать свою подлинную сущность, в силу врожденного нонконформизма, подвергались остракизму, становились маргиналами, пополняя ряды «социально чуждых элементов», другие же под постоянным прессом психополитической тирании и партийных императивов перерождались в буквальном смысле этого слова в «маленького человека», «винтика государственной машины», героя-разоблачителя, поддерживающего миф о справедливом и мудром вожде. Причем этот образ «маленького человека» отнюдь не оставался на уровне сугубо индивидуальных ментально-психологических установок, а активно и целенаправленно использовался, преподносился как эталон добропорядочного поведения, признак гражданской активности.

Этой ответственной социальной роли неугомимого борца за советскую, угодную власти «справедливость» значительное внимание уделял сам Сталин, напомнив на февральско-мартовском пленуме 1937 г. о злоключениях молодой женщины, аспирантки Киевского Института истории товарища Николаенко на Украине, чье имя впоследствии стало нарицательным – символом индокрикации на обывательском индивидуальном уровне, известной своей маниакальной бдительностью и разоблачительским психозом, терроризировавшей не только кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК

КП(б)У и Киевского обкома партии П.П. Постышева, но и даже будущего первого секретаря ЦК КПСС, а в середине 1930-х гг. – секретаря Московского комитета ВКП(б), а затем преемника Постышева на ведущих партийных постах на Украине – Н.С. Хрущева.

«Второй пример, – заявил Сталин, – пример с Николаенко. О ней много говорили, и тут нечего размазывать. Она оказалась права – *маленький человек* Николаенко, женщина. Пищала, пищала во все инстанции, никто внимания на нее не обращал, а когда обратил, то ей же наклеили за это. Потом письмо поступает в ЦК. Мы проверили. Но что она пережила и какие ей пришлось закоулки пройти для того, чтобы добраться до правды! Вам это известно. Но ведь факт – *маленький человек, не член ЦК*, не член Политбюро, не нарком и даже не секретарь ячейки, а простой человек – а ведь она оказалась права. А сколько таких людей у нас, голоса которых глушатся, заглушаются? За что ее били? За то, что она не сдается так, мешает, беспокоит. Нет, она не хочет успокоиться, она тыкается в одно место, в другое, в третье, – хорошо, что у нее инициативы хватило, ее все по рукам били, и когда, наконец, она добралась до дела, оказалось, что она права, она вам *помогла разоблачить целый ряд людей. Вот что значит прислушиваться к голове низов, к голосу масс*» [16].

Наиболее уязвимыми, восприимчивыми к партийной пропаганде, транслирующей мифы о всеобщем заговоре, о «засоренности» страны шпионами, диверсантами, которыми могут оказаться все, даже давние знакомые и близкие люди, если более внимательно присмотреться к их «политической физиономии», становились дети.

Так, суровая атмосфера тех лет отражена в дневнике Ю.И. Соколовой, жены известного большевика, секретаря Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) И.А. Пятницкого, арестованного в июле 1937 г. (а через год расстрелянного) после того, как он на июньском пленуме ЦК ВКП (б), он высказался против предоставления органам госбезопасности чрезвычайных полномочий, необходимых для начала массовых политических

репрессий. Наиболее колоритна запись, датированная 7 марта 1938 г., иллюстрирующая отношение младшего сына, Владимира Пятницкого, к своему отцу и старшему брату Игорю, также арестованному за «контрреволюционную деятельность»: «Эх, мать, ну и сволочь же отец. Только испортил все мои мечты. Правда, мать? У меня предчувствие такое, что Игорь наш не виноват, только проболтался, а отец – какой-то большой виновник».

То есть 12-летний мальчик оказался подвержен такой *информационной интоксикации*, что просто не верил в невиновность своего отца. Судя из дальнейшего содержания документа, мы видим, что мать пыталась вразумить сына, убеждала его в высокой вероятности ошибочности и несостоятельности обвинений. Но это ни к чему не привело: «Мы еще не знаем, – говорила Соколова, – может быть, он не виноват, а ошибся, может его враги обманули. А Вовка сказал: “Нет, нет, не верю”. Как придет из школы, берет газету и читает показания [с третьего московского процесса «антисоветского правотроцкистского блока», прошедшего 2-13 марта 1938 г. – К.Ю.]; он буквально в ужасе от их “дел”. Часто спрашивает об отдельных личностях. Особенно ему страшен Ягода и Буланов, спрашивал меня, как приготавливали они яд» [9, с. 198].

С публичностью общественной жизни, политизацией быта наиболее тесно связано формирование особой, советской языковой и культурной идентичности, – **идейно-политического дискурса**.

Дискурс в аутентичном значении – это речь, процесс языковой деятельности [8], беседа как объект лингвистического изучения [15]. Вместе с тем, в социально-гуманитарных дисциплинах, в том числе и истории, это слово приобретает и более широкое значение как социально обусловленная организация системы речи, образа мысли и действия в той или иной семантической модальности, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени [19].

В соответствии с этими теоретическими положениями, вся советская действитель-

ность является источником особого, идейно-политического дискурса – той вербально-знаковой системы, семантической ирреальности, принадлежность к которой позволяла каждому человеку говорить о **внешней** идентификации, совпадавшей с общепринятой информационно-коммуникативной сетью и способами интерпретации. Таким дискурсом в период сталинской диктатуры стала особая партийная фразеология и ассоциирующаяся с ним модель поведения, включающая «сигналы», выступающие индикатором положительной или отрицательной оценки тех или иных явлений – поступков отдельных индивидов и их объединений. Выявление динамики оценочных суждений, формализовавшихся в колоритные и броские, эмоционально насыщенные вербальные конструкции, «ярлыки», выступало инструментом политического контроля, направленного на конкретные результаты: диагностику индоктринации, степени усвоения массами идеологических установок, о чем свидетельствовала эффективность провокаций «сверху» на взаимное самоистребление.

Рядовой партиец, «функционер», беспартийный – каждый в контексте конкретной исторической действительности, в данном случае, речь идет о 1930-х годах, обязан был безжалостно бороться с «буржуазным индивидуализмом», клеймить «мелкобуржуазные уклоны»; осуждать самого себя и других за «хвостизм и аполитичность», «морально-политическое разложение», щедро посылать проклятия в адрес «троцкистско-зиновьевской банды», «праволевацких уродов», «контрреволюционного отребья». С применением этой лексики велись известные внутрипартийные дискуссии 1920-х годов, сохраняется она на протяжении всего периода существования СССР, вплоть до перестройки, последних историографических «боев» за ленинское наследие. На основании верности этому дискурсу осуществлялся политический контроль за **внешней идентичностью**, которая призвана была свидетельствовать о политической благонадежности, ибо как показывают многочисленные документальные свидетельства, в том числе и личного происхождения, судьба человека, нередко зависела именно от степени виртуозности и искусства самопрезентации, спо-

собности правильно обосновать, аргументировать свое поведение в нужной партийной, «революционной» риторике. Коммунист или беспартийный, усвоивший советский «новояз» и технологию вербальной реактивности, которая требовалась на пленумах, партсобраниях, да и просто в обыденной жизни, получал дополнительные шансы на «выживание» и стабилизацию, в отличие от несдержанных «товарищей», чьи неосторожные высказывания неизбежно оценивались как «антисоветские вылазки» и составляли отрицательный «рейтинг», что приводило к автоматическому занесению «провинившегося» в учетную картотеку потенциально репресслируемых.

Тем самым, в немалой степени за счет того, что дискурс партийной догматики начинал, подменяя здравый смысл, объективную оценку происходящего, фактически, жить своей жизнью, осуществлялась **социально-политическая фильтрация** общества, сегрегация на «своих» и «чужих». Она проводилась с как помощью непрерывного мониторинга и фиксации «сигналов бдительности», так и в ходе специальных «чисток», приводящих к отторжению «чуждых элементов», которые объявлялись таковыми на основании в нужном ключе истолкованных фактов, становившихся материалом для **репрессивных атак** [22;32] в отношении как отдельных лиц, так и **массовых репрессий** против целых т.н. «контингентов» населения – конфессиональных, национально-этнических общностей, партийных работников, «старых спецов» и интеллигенции как таковой [32], «кулацкой контрреволюции» в деревне и т.д. Насаждалась презумпция всеобщей виновности, комплекс вины перед партией, перед народом. Происходила, как верно отмечает А. Блюм «криминализация повседневности» [2, с. 81], при которой сакрализованный произвол, исходящий от решений партии, достиг своего апогея – жизнь не только рядового обывателя, но и высокопоставленного чиновника зависела от *«репрессивной лотереи»*.

На протяжении 1930-х годов осуществлялся интенсивный сбор «компрометирующих материалов», добывавшихся зачастую методами физического воздействия на арестованных лиц – изнурительными допроса-

ми, пытками, в буквальном смысле выбиванием нужных показаний, которые в период «большого террора» и послужили основанием для фальсификации дел о всевозможных заговорах, обвинений представителей разных категорий населения в организации «подрывной антисоветской работы», вредительстве, диверсиях, шпионаже и предъявлении других абсурдных и необоснованных претензий [См.: 22]

Коварность и жестокость репрессивных атак заключалась также в их превентивном характере, когда т.н. идеологическая проработка принимала носила затяжной, долговременный и незавершенный характер, а степень «виновности» и соответственно – дальнейшая судьба человека – зависела исключительно от стечения обстоятельств, способных измениться в любую сторону. Эти практики «удержания на крючке», в подвешенном состоянии психологического напряжения, нагнетания страха потерять доверие партии и уважение, доброе имя, уничижительная критика и инспирируемая «самокритика», приводившая зачастую к полному параличу воли к жизни и творчеству, сохранялись и в период «позднего сталинизма» второй половины 1940-1950-х гг., достигнув своего апогея в послевоенных идеологических кампаниях – борьбы с «безродным космополитизмом», дискуссиях в научной сфере и т.д. [30; 31; 32; 33]

Важными отличительными признаками советского политического контроля были его институциональное многообразие и военно-чрезвычайный характер. Если царский политический сыск и цензура как составные части системы политического контроля отличались относительной стабильностью, как в плане профессионально-кадрового состава, так и нерушимости базовых правовых основ, то октябрьская революция вызвала к жизни огромное количество институтов власти, функциональная принадлежность и право на существование которых закрепились далеко не сразу.

Институциональная многоликость объясняется двойственной природой советского политического контроля. Объективными факторами умножения его форм была конкретная социально-политическая обстановка, когда большевики столкнулись с необхо-

димостью управления обществом, многие представители которого были дезориентированы в результате военных и социальных катаклизмов, вызвавших морально-нравственную коррозию массового и индивидуального сознания, глубокий правовой нигилизм, возвращение к животноподобным способам разрешения конфликтов с помощью грубой силы, агрессивного доминирования и самоутверждения, имевших место быть на «арене» Первой мировой и гражданской войн, индустриализации, коллективизации. Необходимость закрепления «завоеваний революции» привело к тому, что вся страна покрылась сетью чрезвычайных комиссий и их ячеек, призванных оперативно разоблачать «классового врага».

Субъективным фактором формирования советского политического контроля стала персонализированная тоталитарная модель управления в виде диктатуры И.В. Сталина. Сталин выступил наследником и инициатором более упорядоченной системы политического контроля по сравнению с «переходным периодом» 1920- начала 1930-х годов, что стало возможно после индустриального скачка, позволившего сосредоточить внимание на проверке исполнения решений партии в интересах укрепления личной власти, используя уже апробированные методы воздействия на общество.

В силу всех перечисленных особенностей, в качестве главной черты политической системы мы выделяем наличие **партийного контроля** как фундаментальной основы советской «цивилизации». Партия, построенная, по выражению Сталина, как «орден меченосцев», стала ведущим структурирующим ядром политической системы. Общественно-политической организацией большевистская партия была до октября 1917 г., но уже изначально в ней имелись черты для последующего перерождения – конспиративность, жесткая централизация, идеологическая нетерпимость, а также цель, провозглашенная В.И. Лениным – захват государственной власти и таким образом насаждение социалистического общества «сверху», насильственным путем. Партийный контроль был вершиной иерархически построенной вертикали власти. Пронизывая

все сферы общественной жизни через институциональный спектр – сеть региональных – областных, краевых и иных комитетов – партия, ее аппарат, осуществляли руководство над существовавшими на уровне подсистемы исполнительно-силовыми, ревизионными и иными учреждениями. [См.: 21, с. 78-79].

На основании этого советскую систему политического контроля 1930-1950-х годов можно представить, выделив *четыре типа* групп родственных друг другу по целям институтов – быть послушными инструментами конструирования коммунистической идеологической матрицы.

К *первому типу* можно отнести цензуру и ее институты, которые существовали под разными названиями. Наиболее известными представителями этого уровня являлись: Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), Главный комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком), Комитет по делам искусств (Главискусство) и другие. Они осуществляли мониторинг за идейно-информационным содержанием произведений искусства [7]

Ко *второму типу* следует отнести собственно партийный контроль, представленный «ординарными», официальными учреждениями партийной власти – комитетами, их отделами.

К *третьему* – специализированный сектор – **контроль внутривнутрипартийный** в особом институциональном выражении (Центральная контрольная комиссия (ЦКК), Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и их региональные структуры) [24; 25; 26], обращенный на проведение экспертизы в сфере «партийной этики», «партийной дисциплины», «государственной дисциплины». Это сектор существовал в виде своеобразной надстройки среднего звена. Она играла роль информационно-политического фильтра, через который проходил огромный поток сведений разного рода, от биографических данных отдельных лиц – до результатов комплексной и тотальной экспертизы деятельности советских и партийных учреждений, хозяйственных объектов, общественных объединений, подвергавшихся следственно-оперативной проработке, направленной на установление степе-

ни «политической благонадежности» кадрового состава этих учреждений.

Наконец, *четвертый тип* – это собственно контрольно-карательные учреждения, именующиеся органами государственной безопасности. Это ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, которые были основными проводниками репрессивного курса – депортаций, фабрикаций дел о «контрреволюционных» заговорах и организациях. Второй и третий типы составляют сердцевину, ядро политической системы советского государства, в которой, как верно отмечал В.П. Мохов, «партийные органы становятся узлами вертикально интегрированной разветвленной структуры, играющей роль основы всей властной конструкции советского общества» [13].

Советский политический контроль представлял собой уникальное социокультурное явление. Выступая наследником до-революционного опыта проведения контрольно-ревизионных мероприятий и самодержавной государственности, «регулярного государства» как модели управления в целом, в то же время социалистический опыт не имеет себе аналогов в истории, прежде всего, по причине только ему присущих признаков и степени интенсивности их проявления. К числу последних мы относим *всеохватность, тотальную системную координацию, монологичность в способах трансляции и воспроизводства информации, секретность и конспиративность механизмов политического контроля.*

Коммунистическую государственность можно рассматривать как особый тип управления обществом прогрессистско-мобилизационного характера, источником которого стал изначально формировавшийся культ вождя, трансформировавшийся в начале 1930-х годов в авторитарную партоткратическую диктатуру И.В. Сталина.

В период режима личной власти И.В. Сталина политический контроль достиг своего организационно-функционального и методологического расцвета и апогея. Как верно отметила Т.П. Горяева, при тоталитарном типе власти, «в котором осуществляется абсолютный и ненормативный контроль над всеми областями общественной жизни, характеристика и порядок запретов суще-

ственно отличаются: разрешено то, что приказано властью, все остальное запрещено» [7, с. 8].

В то же время, если позволить себе некоторые исторические параллели, сталинизм отличался от национал-социалистического устройства Германии, в которой признанный лидер, рейхсканцлер и рейхсфюрер в одном лице – А. Гитлер – предпочитал находиться на определенном расстоянии от внутренней «кухни» системы.

В 2008 г. Й. Горлицкий дал аргументированное обоснование идейно-институционального фактора, который, по мнению автора, является ключом к отображению расхождений моделей тоталитарного развития двух диктатур. «Оба лидера, – писал он, – отвечали потребностям и соответствовали свойствам тех систем, которыми они руководили. Как величайший пропагандист и оратор, Гитлер возглавил связанное с агитацией масс партийное движение, чьи отношения с государством никогда не были закреплены или институализированы. Как мастер бюрократической и организационной работы, Сталин руководил грандиозной, всепоглощающей иерархической структурой, в которой хорошо подготовленная партийная бюрократия, в значительной степени вылепленная им самим, играла все более значительную роль» [6, с. 144].

Такой механистическо-коллективистской тирании, мелочной опеки и «выращивания кадров» [См.: 31] не существовало в Третьем Рейхе, в котором, несмотря на аналогичные процессы деления общества на «своих» и «чужих», репрессивные меры носили более юридически формализованный и адресно-категориальный характер в виде «расовых законов». Как верно писал Ю. Царуски, «национал-социалистическая юстиция отличалась крайней жестокостью и несправедливостью, но при этом не была фикцией. Она оказалась не в состоянии так ловко бороться с «объективными врагами», как это виртуозно делали сталинские юристы, доказывавшие абсолютно все, в том числе и совершенно невозможное» [17, с. 122].

В то же время, режимы обоих типов объединяют методы достижения поставленных целей. Политический контроль и его

практическое осуществление принимают сходные функциональные формы, отражающие общие принципы технологии власти, коренящиеся в насильственной перестройке общества и массового сознания, что достижимо с помощью перманентного надзора, установления степени индоктринации, осуществляемой многоступенчатыми контрольно-проверочными процедурами.

И если гитлеризм, национал-социалистическая государственность, как мы уже отмечали ранее [27; 29, с. 54-55; 34, с. 121-122], дискредитировал идею «третьего пути» – «консервативной революции», сведшейся к агрессивной, человеконенавистнической практике расовой сегрегации, натуралистического отбора «по крови», нанесении слепого и иррационального удара по мнимым врагам при утрате объективной возможности в обезоруживании подлинных противников и разумной поддержке реальных сторонников «по духу», так и вслед за психополитическим напряжением, достигнутым в эпоху сталинизма, зиждившемся на сакрализации вождистского единовластия как ядра всей системы, произошла смена типов иррациональности, от энтропии как метода «контролируемого хаоса» – к аморфной институциональной эклектике, возобладавшей в годы правления Н.С. Хрущева.

Тогда «микро перестройка», связанная с попыткой ослабить силовую доминанту привела к катастрофическим последствиям – обращение к коллегиальности с элементами «гласности», поощрения «двоевластия», напоминающего самый ранний период становления советского государства, воспринимался на местах как симптом слабости верховной власти, ее политической неуверенности, что создавало импульс для саморазрушения системы «снизу» [28, с. 14-15]

Именно по такой схеме, уже отчасти апробированной в 1950 – начале 1960-х гг., но пока без фатального исхода, был запущен процесс уничтожения всей советской государственности в конце 1980-х гг. Тогда десакрализация власти достигла своего апогея: использование инфантильно-демократических способов управления, апелляция к «инициативе» масс, что сопровождалось дискредитацией авторитета ЦК партии и политической иерархии как тако-

вой, подменявшейся социально-экономической синергетикой – этот комплекс факторов, в конечном итоге, привел к уходу СССР с исторической сцены, реконверсии системы политического контроля, адаптированного к новым социокультурным реалиям.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Форма времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношение с властью // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 78-92.
3. Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг. (на примере Среднего Поволжья): автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
4. Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937). М., 2010.
5. Головин Е. Эра гинекократии // URL: <http://golovinfond.ru/content/era-ginekokratii> (дата обращения: 16.04.2017)
6. Горлицкий Й. Сталинская диктатура в сравнительной перспективе // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 135-149.
7. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. М., 2009.
8. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М., 2002. С. 32-43.
9. Доднесь тяготеет. Вып. 1. Записки вашей современницы. М., 1989.
10. Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты. // Политический сыск в России: история и современность. Спб., 1997.
11. Красильников С. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, форма, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 150-160.
12. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941. М., 2012.
13. Мохов В.П. Номенклатурная организация власти: функциональные пределы // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XXIII: Політична еліта в історії України. Запоріжжя: Просвіта, 2008. С. 38-50.
14. Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 21-27.
15. Словарь иностранных слов и выражений. М., 2002.
16. Сталин И.В. Заключительное слово на пленуме центрального комитета ВКП(б), 5 марта 1937 г. // Правда. 1937. 1 апреля.
17. Царуски Ю. Некоторые аспекты идеологии «особого пути» в правовом дискурсе двух диктатур – национал-социализма и сталинизма // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Панина. М., 2010. С. 118-126.
18. Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011.
19. Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011.
20. Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
21. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015. 295 с.
22. Юдин К.А. Институты Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и репрессии «первой волны» в Верхневолжском регионе в январе – июле 1937 г. // Наука и школа. 2012. № 6. С. 175-178.
23. Юдин К.А. Кампания проверки и обмену партийных документов как отражение политических технологий сталинского

- режима на территории Верхневолжского региона в 1935-1936 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 112-123.
24. Юдин К.А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и ее региональные институты в период утверждения сталинской диктатуры 1934-1941 гг. (на материалах областей Верхней Волги). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013.
25. Юдин К.А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и ее роль в политической системе СССР 1930-х гг. // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 2. С. 74-83.
26. Юдин К.А. Организационно-правовые и идеологические основы деятельности Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934-1936 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 1 (121). С. 191-199.
27. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1. С. 52-62.
28. Юдин К.А. От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3-15.
29. Юдин К.А. Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе в 1930-х гг.: проблемы истории и историографии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4. С. 36-48.
30. Юдин К.А. Политический контроль в СССР в период «позднего сталинизма» конца 1940-х – начала 1950-х гг.: общесистемная характеристика // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. Иваново 18-19 марта 2015. Иваново, 2015. С. 625-634.
31. Юдин К.А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. Вып. 4. История. 2015. С. 63-74.
32. Юдин К.А. Репрессивная политика в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 56-73.
33. Юдин К.А. Роль органов государственной безопасности (НКВД/НКГБ-МГБ) в информационно-политическом обеспечении сталинского режима (1940-50-е гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков. Материалы XV Международной научной конференции. Иваново, 23-34 марта 2016. Ч. 2. Иваново, 2016. С. 740-749.
34. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7. С. 113-128.
35. Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42-48.

© Юдин К. А., 2017